

Памяти И. В. Гессена. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Памяти И. В. Гессена. Владимир Владимирович Набоков

В моем сознании прошлое И. В., связанное с прошлым моего покойного отца, вторым, живым, узлом связывалось с моим настоящим: я одновременно видел И. В. в легендарной дали фракционных собраний, в исторической перспективе, где мое детство суживалось обратным снопом линий, и в человеческой действительности, за стаканом чаю с сухарями, в тепле мне доступного мира. То, что я дорос до уровня его дружбы, было магическим анахронизмом; я гордился ею; катет ее действительности уходил глубоко в душу, а длинная гипотенуза таинственно соединяла меня с мужественным и чистым миром "Права" и "Речи", некогда окружавшим мое несмыслящее начало. Русский Берлин двадцатых годов был всего лишь меблированной комнатой, сдаваемой грубой и зловонной немкой (он забываем, подлый пот этого неудачного народа), но в этой комнате был И. В., и, минуя туземцев, мы ухитрились извлекать своеобразную прелесть из тех или иных сочетаний обстановки и освещения. Моя молодость подросла ко второй молодости И. В., и мы весело пошли рядом.

Он был моим первым читателем. Задолго до того, как в его издательстве стали выходить мои книги, он с отеческим попустительством мне давал питать "Руль" незрелыми стихами. Синева берлинских сумерек, шатер углового каштана, легкое головокружение, бедность, влюбленность, мандариновый оттенок преждевременной световой рекламы и животная тоска по еще свежей России – все это в ямбическом виде волоклось в редакторский кабинет, где И. В. близко подносил лист к лицу, зацепляя написанное как бы с подола, снизу вверх, параболическим движением глаза, после чего смотрел на меня с полусаркастическим доброхотством, слегка потряхивая листом, но говорил только "Н-да" – и не торопясь приобщал его к материалу.

Равнодушный к читательским отзывам, я дорожил исключением, которое привык делать для мнения И. В. Его совершенная откровенность в суждениях, столь ужасно четвертовавших подчас авторское самолюбие, придавала особую значительность малейшей его похвале. Всегда буду слышать полновзвучную медную силу, с которой он произносил над трупом книги: "Как он мог это написать – непостижимо!" – со страшным ударением на "мог" и на "жимо". Один Пушкин был для него, как и для меня, выше человеческой критики – и как он знал эту трагическую, томную, таинственную поэзию, знакомую большинству только по отрывным календарям да четырем операм.

Его всегда увлекали приключения и перевоплощения человеческой сущности, шла ли речь о литературном герое или о большевиках, или об общем знакомом. Его могли заразить занимать политический маневр джунглей диктатора и вопрос, был ли симулянт Гамлет. Он был живым доказательством того, что настоящий человек это – человек, который интересуется всем, включая и то, что интересно другим. Рассказывать ему что-либо было необыкновенным наслаждением, ибо его собеседническое участие, острейший ум, феноменальный аппетит, с которым он поглощал ваши сыроватые фрукты, преображали любую мелочь в эпическое явление. Его любопытство было столь чисто, что казалось почти детским. Людские характеры или перемены погоды становились в его энергичной оценке исключительными, единственными: "Такой весны я не помню", – говаривал он, в изумлении разводя руками.

Меня восхищал в нем союз, в который столь гармонично сливались его русское европейство и принадлежность к одухотвореннейшему племени. Я бесконечно уважал его физическую и моральную смелость; сотни раз в жизни испытал его трогательно угловатую доброту. Его слабое зрение и слух в соединении с талантливой рассеянностью служили у него в поставщиках его же юмора. С каким упоением он рассказывал, как, желая доставить удовольствие его навестившей актрисе Полевицкой, он, со словами: "Видите – ваш портрет висит у меня на стене", бережно снял и подал ей фотографию певицы Плевацкой. Я чувствую, что сам тоже, может быть, предлагаю чужой портрет, говоря о И. В., ибо странная близорукость одолевает душу после смерти любимого человека и вместо коренного его образа подворачиваются всякие бедные пустяки.

И. В. как-то признался мне, что в юности его прельщала порочная гегелевская триада. Я думаю о диалектике судьбы. Весной 1940 года, перед отъездом сюда, я прощался с И. В. на черной парижской улице, стараясь унять мучительную мысль,

Памяти И. В. Гессена. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru что он очень стар, в Америку не собирается – и что, значит, я никогда больше не увижу его. Когда здесь, в Бостоне, я получил известие, что он чудом прибыл в Нью-Йорк, – живее живого (каким он мне всегда казался), жаждущий деятельности, кипящий своими и чужими новостями, – я поспешил уличить предчувствие в ошибке. Различные обстоятельства заставили меня отложить свидание до апреля. Между тем чудо его приезда оказалось лишь антитезисом, и теперь силлогизм завершен.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!